

Д. С. СТАНИШЕВА

ВТОРОЙ РОДИТЕЛЬНЫЙ В ПАДЕЖНОЙ СИСТЕМЕ
РУССКОГО ЯЗЫКА

1. Вопрос об определении второго родительного (РII; по терминологии В. А. Богородицкого — *casus partitivus*¹) как особого падежа в падежной системе современного русского языка до сих пор остается дискуссионным, хотя впервые мысль о разграничении двух самостоятельных родительных была высказана более 50 лет тому назад².

Генетически распространение окончания -у (-ю) для РП³ ед. числа имен существительных муж. рода (типа *меду, воску, пару, народу, снегу, чаю* и под.) было одним из проявлений процесса унификации по родовому признаку падежных окончаний, ранее относившихся к разным основам. В древнерусском языке распространение Ру отмечено с древнейших памятников письменности. Изучению этого вопроса посвящено немало работ, ему уделяется специальное внимание в курсах по истории древнерусского языка. В результате исследований выяснено, что условия употребления Ру (ю) в древнерусском языке имели ограниченный характер: окончания -у (-ю) встречались предпочтительно в односложных именах с подвижным ударением (*меду — в меду, квасу — в квасу* и т. п.)⁴. Эти окончания были свойственны исключительно неодушевленным именам и особенно последовательно встречались в именах с вещественным и собирательным значением типа *бархат, воск, горох, мед, табак, народ, полк* и т. д.⁵. Нередко отмечалось употребление Ру с отвлеченными именами существительными (*срок, грех, мир, страх, ум, иск, лов* и др.)⁶.

¹ В. А. Богородицкий, Очерки по языковедению и русскому языку, М., 1939, стр. 192. Этот термин воспринят в большинстве лингвистических исследований (см., например: Ж. Марузо, Словарь лингвистических терминов, М., 1960, стр. 257). В русской грамматической литературе для обозначения этого РП известен также термин «количественно-разделительный» (см., например: В. В. Виноградов, Русский язык, М.—Л., 1947, стр. 173) или «количественно-определятельный» (П. С. Кузнецов, Историческая грамматика русского языка. Морфология, [М.], 1953, стр. 73).

² В. А. Богородицкий, Синтаксис родительного падежа в русском языке, РФВ, LXVIII, 3, 1912, стр. 215—217.

³ Далее принимаем сокращения: РП — родительный падеж, Ру — родительный падеж с флексией -у (или в определенных фонетических условиях -ю), Ра — родительный падеж с флексией -а (или -я); ИП — именительный падеж; ВП — винительный падеж; ПП — предложный падеж.

⁴ См. подробнее, например: F. Cosson, La langue russe dans la seconde moitié du XVIIe siècle, Paris, 1962, стр. 36; И. Х. Тот, К истории склонения имен существительных в псковских летописях, «Dissertationes Slavicae. Материалы и сообщения по славяноведению», IV, Szeged, 1966, стр. 10.

⁵ Наиболее обстоятельно этот вопрос рассмотрен в трудах Б. Унбегауна и Г. Хр. Сёренсена. См.: В. Unbegaun, La langue russe au XVIe siècle (1500—1550). I — La flexion des noms, Paris, 1935; H. Chr. Sørensen, Zum russischen Genitiv auf -a und -u im 17. Jahrh., «Scando-Slavica», IV, 1958, стр. 210—238.

⁶ В древнерусском языке круг имен существительных с окончаниями -у, -ю в РП ед. числа был гораздо шире; сюда входили и некоторые конкретные имена существительные (например, *храм, стан, берег, замок* и др.). См., например: Е. П. Габур

Мысль о дифференциации *Ру* и *Ра* на основе определенного семантического признака была высказана А. А. Шахматовым. Однако он (а позднее — и другие исследователи) видел прямую зависимость различающего признака от лексико-семантических свойств самих имен существительных. Таким образом А. А. Шахматов пришел к выводу о создании в языке «представления о грамматической категории, должноствующей объять слова, означающие отвлеченные понятия и собирательные предметы, и противоположной категории, означающей индивидуальные предметы (одушевленные и неодушевленные). Первая из этих категорий получала в родительном падеже окончание *-у*, а вторая — окончание *-а*»⁷. Вслед за А. А. Шахматовым до настоящего времени в большинстве работ, посвященных поставленному вопросу (особенно на материале древнерусского языка), отразилось стремление установить переменимую связь *Ру*, с одной стороны, и *Ра* — с другой, с определенным составом имен существительных (тем самым мысль А. А. Шахматова о выделении в языке «грамматической категории» упрощалась). Таким образом, принималось а priori положение, что система употребления *Ру* и *Ра* должна была быть выражена в их дополнительный дистрибуции. Однако все усилия в направлении установления строгих правил выбора одной из двух форм в зависимости от лексики имен существительных оказались тщетными. Было установлено «чередование» или «смешение» *Ру* и *Ра* в одних и тех же словах и одинаковых синтаксических позициях. «...заметно отсутствие строгой дифференциации при выборе одной из возможных форм... Даже у слов с вещественным значением, которые... наиболее последовательны в употреблении флексий *-у* в разнообразных синтаксических конструкциях, наблюдаются колебания... В конкретных и отвлеченных существительных при значительном перевесе форм на *-у* все же возможны колебания обеих форм у одних и тех же слов, в одних и тех же памятниках и при наличии одинаковых условий...»⁸. Другое объяснение расхождения двух окончаний РП основывается на мысли о их стилистической специфике. В правиле об употреблении *Ру* и *Ра* (а также флексии *-ѣ* и *-у* в ПП) *Ру* определяется М. В. Ломоносовым как просторечная форма, не свойственная высокому стилю⁹. Это правило разграничения *Ра* и *Ру* для современного русского языка не действительно¹⁰.

Шагом вперед в изучении этого вопроса было установление функционального размежевания двух форм РП ед. числа. В. А. Богородицкий впервые заметил: помимо того, что «... окончание *-у* является привязанным к некоторым разрядам слов муж. рода (вещественным, собирательным, отвлеченным...)», оно соответствует «определенным категориям родит.-исходного падежа...»¹¹. В своем исследовании он выделил «родительный количества», в котором решительно преобладает *Ру* (*четыре десятины лесу, целая глыба снегу, набралось довольно много народу, кусочек сыру* и т. д.) и «родительный частичного количества», при котором *Ру*

з о в а, Из истории формы родительного падежа единственного числа на *-у* в русском языке (По памятникам письменности XV—XVII вв.), «Уч. зап. [ЛГПИ им. А. И. Герцена]», 144, Кафедра русского языка, 1958, стр. 172 и сл.

⁷ А. А. Шахматов, Историческая морфология русского языка, М., 1957, стр. 241 (Курс лекций, легших в основу этого издания, был прочитан А. А. Шахматовым в Петербургском университете в 1910—1911 гг.).

⁸ Е. П. Г а р б у з о в а, указ. соч., стр. 176.

⁹ См.: М. В. Л о м о н о с о в, Полн. собр. соч., VII, М.—Л., 1952, стр. 457, 461.

¹⁰ В последнее время высказана точка зрения, что в современном русском языке, напротив, *Ру* воспринимается как архаическая, свойственная «высокому стилю» форма (V. K i r a r s k y, Russische historische Grammatik, II, Heibelberg, 1967, стр. 29).

¹¹ В. А. Б о г о р о д и ц к и й, Синтаксис родительного ..., стр. 224.

является наиболее употребительным, а Ра допускается с большой натяжкой (*принеси нам квасу, хотел захватить еще снежку, понюхай табачку, принесла картофелю* и т. д.)¹². В более поздних работах стремление дифференцировать оба окончания проявилось в исследовании условий употребления Ра в отличие от Ру в рамках одних и тех же групп имен существительных. Наблюдения в этом направлении были проведены на материале древнерусского языка, однако это не привело к положительному или строго определенному ответу¹³. В большинстве же исторических трудов на первый план выдвигался вопрос о синтагматических условиях употребления Ру¹⁴.

Новые тенденции в употреблении Ру, имеющие системный характер, впервые установлены Р. О. Якобсоном. Уже в первой работе о морфологии падежной системы русского языка он интерпретировал различные случаи употребления двух форм РП как элементы структуры: Ру (*купи сыру, бутылка меду, он купил лесу*) определен в отношении Ра (*вместо сыра, приготовление меда, граница леса*) как падеж, содержащий признак (*merkmalhaltige*). На основании установленной оппозиции в падежной системе современного русского языка выделены два различных падежа — РІ (*граница леса*) и РІІ (*купил лесу*)¹⁵.

Вслед за Богородицким и Якобсоном разграничение двух родительных падежей принимается во многих общих исследованиях и работах по морфологии русского языка: новых доводов в пользу этой точки зрения, однако, обычно не приводится. В. В. Виноградов различает два РП — «родительный» и «количественно-разделительный» («количественно-отделительный»). Обособление «количественно-отделительного» падежа определяется на основе семантических различий глаголов (скуда относятся, например, случаи употребления РП после глаголов, обозначающих обладание, лишение, исключение и т. д.: *глаза полны слез, избежать опасности, бояться заразы* и т. д.) или семантики всего сочетания (например, с предложением *из: уехать из Москвы, платье из белого шелка* и т. д.)¹⁶. За разграничение двух отдельных родительных в современном русском языке решительно высказался П. С. Кузнецов: «...с начала XIX века формы на -у в литературном языке все больше закрепляются в значении части вещества. Форма на -у для слов с вещественным значением не является просто новой формой родительного падежа, целиком вытеснившим форму этого падежа, характерную для старого склонения на -о. Нет, эти же существительные располагают и родительным падежом на -а, если речь идет не о части вещества, а о всем веществе в целом... Ср., например: *кусочек сахару и белизна сахара, химическая формула сахара*»¹⁷. Эта точка зрения безусловно принимается в отношении современного русского языка также Г. Хр. Сёренсеном¹⁸.

2. В последнее время вопрос о разграничении Ру и Ра как самостоя-

¹² Там же, стр. 221—222.

¹³ Наиболее четко эта задача была поставлена в указ. соч. Г. Хр. Сёренсена: здесь приведен солидный список слов, встречающихся в памятниках московского делового языка одновременно то с окончанием -у, то с окончанием -а (указ. соч., стр. 213—224).

¹⁴ Установлено, например, что Ру наиболее последовательно встречается: а) в количественных сочетаниях типа *много промыслу*; б) при предложениях *от, из, у, до, без*; в) при отрицаниях. См. об этом подробнее: М. А. Соколова, Очерки по языку деловых памятников XVI века, Л., 1957, стр. 121; И. Х. Тот, указ. соч., стр. 10.

¹⁵ R. Jakobson, Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre, TCLP, 6, 1936, стр. 38—40 (Extrait).

¹⁶ В. В. Виноградов, указ. соч., стр. 174—175.

¹⁷ П. С. Кузнецов, указ. соч., стр. 73.

¹⁸ H. Chr. Sørensen, указ. соч., стр. 236—237.

тельных падежей в грамматической системе современного русского языка вновь привлек внимание лингвистов и вызвал критику двойного характера. Одни исследователи не находят достаточных оснований для выделения здесь двух различных падежей¹⁹. В других работах *Рy* и *Ра* трактуются как варианты формы, при этом на основе конкретных наблюдений отмечается, что ранее якобы существовавшая норма употребления *Рy* (в отличие от *Ра*) в современном языке распатана. Н. С. Поспелов в написанном им разделе об именах существительных трактует *Рy* и *Ра* как «варианты» родительного падежа, хотя при этом и определяется семантическая специфика *Рy*: «Это окончание употребляется при количественном обозначении целого, из которого выделяется некоторая часть»²⁰. Л. А. Булаховский не связывал употребления *Ра* и *Рy* с семантическими различиями и рассматривал их как факультативные формы²¹. Употребление *Рy* и *Ра* «в тождественных грамматических условиях» отмечает И. Пете, делая из этого вывод: «Их выбор является факультативным, они являются стилистическими вариантами род. падежа». Здесь же подчеркивается, что эти формы «во время издания работы Р. Якобсона употреблялись весьма последовательно в разных грамматических условиях»²².

«Противопоставленность форм типа *песка — песку*» специально исследуется в одной из серьезных монографий по морфологии и синтаксису современного русского языка²³. Здесь признается наличие «падежно-грамматического контраста», который проявляется в «различии двух основных значений родительного — количественного, или партитивного (*напиться чаю*), и неколичественного (*цвет чая*)», хотя и отмечается, что «в литературном языке XX в. падежно-грамматический и семантический контрасты выражены недостаточно четко, не имеют силы грамматического закона»²⁴. В монографии приведены факты, основанные на статистических наблюдениях и призванные свидетельствовать о значительном, прогрессирующем сужении употребления *Рy* в настоящее время; с первого взгляда факты эти кажутся убедительными. Однако прежде чем оценивать их значение, поставим центральный вопрос проблемы — об основаниях и теоретических предпосылках выделения *РI* и *РII* в падежной системе русского языка. Постановка этого вопроса тем более необходима, что при его интерпретации порой наблюдается очевидное упрощение проблемы²⁵.

3. В более поздней работе о морфологической системе падежей русского языка Р. О. Якобсон подчеркивает, что так называемые «добавочные» падежи (*Р II* и *II II*) «встречаются в тождественных словосочетаниях, как например [количественный] *недостаток чаю* — [качественный] *недостаток чая* и «только разница падежных окончаний осведомляет слушателя или читателя о семантическом различии между обоими примера-

¹⁹ См., например: А. В. Исаченко, Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Морфология, ч. I, Братислава, 1954, стр. 124.

²⁰ «Современный русский язык. Морфология», [М.], 1952, стр. 80.

²¹ Л. А. Булаховский, Русский литературный язык первой половины XIX века, М., 1954, стр. 59—60.

²² И. Пете, Родительный партитивный в современном русском языке, «Scandoslavica», XI, 1965, стр. 193.

²³ «Морфология и синтаксис современного русского литературного языка», под ред. М. В. Панова, М., 1968, стр. 176—199.

²⁴ Там же, стр. 176.

²⁵ Например: «Общезвестно, что вещественные и некоторые отвлеченные существительные мужского рода в род. п. ед. числа могут иметь два вида окончаний. На основании этого некоторые лингвисты утверждают, что в современном русском языке имеется два родительных падежа» (И. Пете, указ. соч., стр. 191).

ми...»²⁶. Однако в соответствии с основным положением концепции Р. О. Якобсона, «каждый падеж характеризуется своим инвариантным общим значением» — здесь устанавливается зависимость разграничиваемых разными формами значений РП от морфологического инвариантного значения: Р I (*заждались снега ребята, Брюллов не любил снега, пугался снега, цвет снега*) «в отличие от Р II... наделяет предмет свойством или состоянием, вытекающим из направленного на предмет действия, и соответственно может быть назван падежом наделятельным»²⁷.

П. С. Кузнецову принадлежит следующее высказывание об основаниях выделения двух самостоятельных родительных падежей: «Поскольку в данном случае дело идет о передаче хотя бы для какой-то группы существительных двумя разными формами двух различных синтаксических значений, есть основания считать, что современный русский язык располагает не одним родительным падежом, как считает школьная грамматика, а двумя различными падежами»²⁸. Это общее положение нуждается в конкретизации целого ряда попутно возникающих вопросов: как проявляется функциональная специфика Р II; во всех ли случаях, и в каких именно, *Ру* и *Ра* различаются семантически; каков механизм взаимодействия *Ру* и *Ра* в различных языковых ситуациях. Эти вопросы можно решить только на синтаксическом уровне путем анализа микросистем, в которые входят *Ру* и *Ра*. Определение частных систем, безусловно, возможно только на основе формально-лингвистических критериев.

Поскольку вопрос о выделении Р II как самостоятельного падежа наиболее подробно рассмотрен в работах Р. О. Якобсона, обратимся к фактическим данным, привлекаемым в его специальной работе о русском склонении. Дело в том, что приведенные Р. Якобсоном случаи употребления *Ру* далеко не равноценны и не однородны по синтаксико-семантическим признакам и по системной соотносительности с другими падежными единицами²⁹. Формы *Ру* представлены в работе Якобсона следующими примерами: (1) *долго не было снегу*, (2) *зато сколько снегу намело в январе*, (3) *снегу кругом!* (4) *набрали снегу ребята*, (5) *недостаток чаю*.

Мы стоим на той точке зрения, что для определения системно связанных синтаксических единиц необходимо соблюдение нескольких условий: а) необходимо констатировать различие формальных признаков (в данном случае — падежных форм); б) необходимо констатировать наличие различия содержательных (синтаксико-семантических) признаков (при определении оппозиций) или их тождество (при определении систем вариантов); в) различие формальных и синтаксико-семантических признаков двух синтаксических единиц только в том случае может быть признано за показатель оппозиции, если могут быть определены контексты (хотя бы минимум контекстов), в которых обе формы являются взаимно заменимыми

²⁶ Р. О. Якобсон, Морфологические наблюдения над славянским склонением, 's-Gravenhage, 1958, стр. 22.

²⁷ Там же, стр. 3, 22—23.

²⁸ П. С. Кузнецов, указ. соч., стр. 73.

²⁹ Вопрос о неоднородности РП партитивного в современном русском языке ставился и раньше, но совсем в ином плане. Имелись в виду или различные семантические группы РП, например, «родительный целого» типа *крыша дома*, «родительный меры» типа *бутылка вина* и т. д. («Грамматика русского языка», т. I — Фонетика и морфология, М., 1952, стр. 121, 122), или различные случаи употребления РП по «синтаксической функции», например: родительный частичного или неопределенного объекта; родительный партитивный в безличных предложениях, родительный партитивный в применных словосочетаниях и т. д. (И. Пете, указ. соч., стр. 187—191).

(при сохранении релевантности их признаков). Эти контексты целесообразно определить как «лексическую базу оппозиции»³⁰.

Придерживаясь описанных правил определения системных связей синтаксических единиц, можно установить следующее. В примере (1) при различии формальных показателей (ср. *долго не было снегу* — *долго не было снега*³¹) невозможно определить дифференциальный признак, по которому бы различались *Ру* и *Ра*. Формы *снегу* — *снега* являются семантически тождественными. Формы *Ру* — *Ра* в этом случае, следовательно, не составляют оппозиции, а являются факультативными вариантами. Их системная связь устанавливается с формой ИП (*долго был снег*), с которой обе они находятся в дополнительной дистрибуции (синтагматические условия употребления РП определяются наличием отрицания). Следовательно, *Ру* и *Ра*, с одной стороны, и ИП, с другой, составляют систему вариантов одного инварианта, который может быть определен как агентивно-субстанциальная синтаксема. Итак, в примере (1) форма *Ру* не противопоставлена форме *Ра*. В примерах (2) и (4) форма *Ру* также не противопоставлена *Ра*, но обе они (*Ру* и *Ра*) находятся в оппозиции с ВП, ср.: *набрали снегу ребятам*; *набрали снег ребята*³². Общим признаком *Ру* (*Ра*) и ВП является объектный признак, а дифференциальным признаком — партитивный, выражаемый формой РП. Оппозиция имеет привативный характер. Случаи нейтрализации оппозиции могут быть продемонстрированы следующими примерами: *Я смотрел иногда, как она наливала чай, махала ногой или подносила ложку ко рту* (Л. Толстой); *Матвей по-отцовски добродушно наливал в стакан водку* (К. Федин)³³. В примере (3) *Ру* противопоставлен ИП (ср. *снегу кругом!* : *снег кругом!*), а не *Ра*. Общим признаком обеих форм является агентивный, дифференциация происходит по партитивному признаку, выражаемому *Ру*. Оппозиция является привативной. Из этого анализа с очевидностью вытекает, что приведенные выше примеры Р. Якобсона (1—4) не дают достаточных оснований для установления семантического разграничения *Ру* и *Ра*, а отсюда — и для признания их самостоятельными падежами.

В поисках тех условий, при которых различия *Ру* и *Ра* являются лингвистически релевантными, обратимся к случаям, которые соответствуют приведенному Р. О. Якобсоном употреблению (5) *недостаток чаю* — *недостаток чая*; *метр коленкору* и *цвет коленкора*; *опахка хворосту* и *тяжесть хвороста*; *бочка рассолу* и *вкус рассола*; *ложка меду* и *золотистость меда*; *рюмка коньяку* и *крепость коньяка*; *головка чесноку* и *запах чеснока*; *пачка табаку* и *сорт табака* и под. В этих примерах формальное различие двух знаков (*Ру* и *Ра*) соответствует сигнификативной функции оппозиции. Сигнификативная функция оппозиции здесь осуществляется на основе общего признака, который может быть определен как квалификативный, благодаря выражению формой *Ру* дифференциального синтак-

³⁰ О процедуре определения оппозиций на синтаксическом уровне см.: А. М. Мухомин, *Функциональный анализ синтаксических элементов*, М.—Л., 1964; Д. С. Стакшера, *Некоторые вопросы синтаксического анализа*, ВЯ, 1968.

³¹ Ср. аналогичный пример из произведений А. М. Горького, приведенный Н.С. Поспеловым: *Она не топала печь, не варила себе обед и не пила чай* («Современный русский язык. Морфология», стр. 81).

³² Ср. аналогичные примеры: *Принес дров на утро* — *Принес дрова на утро*, которые комментируются следующим образом: *Принес дров на утро* «обозначает, что он принес часть или неопределенное количество дров на утро», — *Принес дрова на утро* «выражает, что действие целиком распространяется на определенный предмет» (И. Пете, указ. соч., стр. 195).

³³ Примеры приведены у И. Пете с комментарием: «Винительный падеж выражает партитивность предмета, обращая внимание на процесс выделения части из массы вещества» (указ. соч., стр. 195).

сико-семантического признака — партитивного³⁴. Эти примеры употребления *Ру* и *Ра* принципиально не отличаются от функционирования различных падежей — РП:ВП (типа *набрали снегу ребята* и *ребята набрали снег в санки*) или РП:ИП (*снегу кругом* и *снег кругом*). В примерах типа *набрали снегу — набрали снег* синтаксико-семантические различия демонстрируют разные падежи (РП:ВП). В случаях же типа *пачка табаку* и *сорт табака, недостаток чаю* и *недостаток чая* формы *Ру* и *Ра* рассматриваются по традиции в рамках одного падежа. Однако в обоих случаях синтаксико-семантические различия, определяемые дифференциальным партитивным признаком, соответствуют двум различным формальным единицам. Это и является основанием для признания особого РП (Р II) в падежной системе русского языка. «Когда какому-либо различию в плане выражения соответствует различие в плане содержания, — перед нами различие инвариантов (фонологи говорят — различие существенное — *pertinente*). Это вытекает из параллелизма двух планов»³⁵.

Остается обратиться к вопросу, поставленному П. С. Кузнецовым, — возможно ли выделение самостоятельного падежа, если «...он отличен лишь для весьма ограниченной группы существительных...»³⁶. К мнению П. С. Кузнецова (определение двух разных падежей основывается на том, «... что хотя бы в какой-то группе существительных имеются две разные формы для передачи различных синтаксических значений»³⁷) можно бы добавить, что разграничение падежей вообще основывается не на тотальном противопоставлении всех случаев функционирования одного падежа всем случаям функционирования другого. Такое разграничение покоится на существовании различительных противопоставлений, проявляющихся лишь в конкретных лексических условиях. Достаточно напомнить, что признавая оппозиция двух падежей ВП:РП по партитивному признаку, свойственная славянским языкам, проявляется в ограниченных лексических условиях употребления как именного, так и глагольного членов³⁸. В иных условиях формы ВП и РП, напротив, могут выступать как эквиваленты, не различаемые функционально. Ср. систему вариантов ВП — РП в случаях типа *видел отца* (ВП) — *не видел отца* (РП). Наконец, представляется важным объяснить, почему *Ру* предпочтителен (по сравнению с *Ра*) в случаях, где *Ру* противопоставлен не *Ра*, а другим падежам³⁹; это обусловлено более четким выражением партитивного признака маркированной в другой оппозиции (*Ру*:*Ра*) формой (*Ру*).

На основе вышеизложенного можно сделать следующие выводы. Во-первых, в современном русском языке случаи употребления *Ру* с точки зрения системных связей значительно различаются. На синтаксическом уровне *Ру* выступает и как член систем оппозиций, и как член систем вариантов. Во-вторых, существование оппозиции *Ру*:*Ра* позволяет заключить, что разграничение форм *Ру* и *Ра* носят в современном русском языке не случайный (как полагают некоторые исследователи), а мотивирован-

³⁴ В некоторых работах *Ру* типа *рюмка коньяку, кусок воску* определен как РП «количества» (см., например: И. Д о м б р о в с к и й, Историческая грамматика русского языка, II — Морфология и синтаксис, Budapest, 1969, стр. 41), т. е. как носитель количественного признака.

³⁵ А. М а р т и н е, О книге «Основы лингвистической теории» Луи Ельмслева, «Новое в лингвистике», I, М., 1960, стр. 449.

³⁶ П. С. К у з н е ц о в, указ. соч., стр. 73—74.

³⁷ Там же, стр. 74.

³⁸ Об условиях употребления РП см.: А. М. К у з н е ц о в а, К вопросу о глагольной переходности и значении так называемого родительного разделительного, «Уч. зап. [МГПИ им. В. И. Ленина]», 158, 1960.

³⁹ Ср. неоднократные свидетельства о преобладании *Ру* в глагольных синтагмах типа *купил сагару* в кн.: «Морфология и синтаксис...», стр. 193 и др.

ный характер. В-третьих, в системах оппозиций Pu всегда является носителем партитивного признака, дифференциального для ряда оппозиций ($P\Pi : V\Pi ; P\Pi : I\Pi ; P_y : P_a$). Выражение партитивного признака было непосредственным образом связано с семантическим обособлением определенной группы имен существительных — вещественных и собирательных. На это обстоятельство следует обратить особое внимание. Выделение вещественных и собирательных имен существительных как составляющих основу ряда оппозиций по партитивному дифференциальному признаку явилось предпосылкой возникновения сравнительно новой оппозиции ($P_y : P_a$). Партитивный признак тем самым можно причислить к различительным признакам, отличающимся, по Косериу, «высокой функциональной нагрузкой»⁴⁰.

4. Проведенный функциональный анализ позволяет обсудить факты, которые приводятся в лингвистической литературе в подтверждение мысли о необоснованности рассмотрения $P\Pi$ (P_y) как самостоятельного падежа или о недостаточности четкого разграничения P_a и P_y в современном русском языке. Так, в «вариациях», где возможны обе формы: *напиться чаю*, и *напиться чая*, *нет страха* и *нет страха*, *принеси сахару* и *принеси сахара*⁴¹, взаимная заместимость форм P_y и P_a не только объяснима, но и совершенно естественна: они не составляют оппозиции, а являются факкультативными вариантами.

В таблицах употребления P_y и P_a в деловой речи XX в. по рецептурным справочникам кулинарии в хронологически различные периоды приводятся такие данные: 1900—1918 гг. — P_y составлял 89,1%; в конце 20-х — начале 30-х гг. P_y составлял 49,3%; в конце 30-х гг. — 28,6%; в 50—60-е годы — 26,5%⁴². Сами по себе эти таблицы представляют большой интерес. Однако в число случаев употребления $P\Pi$ здесь включены не только противопоставленная форма P_y , но и варианты объектно-партитивной синтаксемы типа *положить хрена* — *положить хрену*, *прибавлять по вкусу сахара* — *сахару* и т. д. Подобная недифференцированность лишает статистические сведения точности, необходимой для решения вопроса о соотношении P_y и P_a как показателей различных падежей. Отмечается зависимость скорости падения употребительности формы P_y от частотности слова: слова с большей частотностью употребления дольше удерживают форму P_y . Например, существительное *сахар* (сюда же относятся *лук, перец, рис, сыр, творог, жир*)⁴³ отличается значительной частотностью, в начале XX в. употреблялось почти исключительно в форме *сахару*. В 50—60-е годы, несмотря на происшедшие сдвиги, форма P_y продолжает преобладать⁴³. Нельзя не согласиться с тем, что частота употребления слова — один из факторов, способствующих устойчивости его форм. Однако и в этом случае статистические данные теряют ценность из-за функционального неразграничения P_a и P_y .

Констатируется сокращение количества имен существительных, способных принимать флексию *-у*, в исследуемый период: в начале XX в. и в 20-е годы в обследованных текстах зарегистрировано 92 слова с окончанием *-у*, в 50—60-е годы круг этих слов сократился до 15⁴⁴. Чтобы оценить значение этих статистических данных, необходимо напомнить, что они получены на основе исследования текстов рецептурных справочников по кулинарии и поваренных книг (общий объем выборки — 10 000 форм).

⁴⁰ Э. Косериу, Синхрония, диахрония и история, «Новое в лингвистике», III, М., 1963, стр. 229.

⁴¹ «Морфология и синтаксис...», стр. 176.

⁴² Там же, стр. 179.

⁴³ Там же, стр. 181.

⁴⁴ Там же, стр. 182.

Однако подбор текстов вряд ли можно признать удачным, так как из самого описания источников становится очевидным, что в некоторых кулинарных книгах заметна явная тенденция употреблять только *Pa*: «...авторы без колебаний употребляют в род. парт. только форму на *-а*; ни одной формы на *-у* не отмечено. Книгу, очевидно, слишком усердно редактировали», поэтому предусмотрительно была использована другая поваренная книга того же времени, в которой «форма на *-у* встречается»⁴⁵. Но это не устранило опасности несоответствия использованного материала живым нормам употребления *Pу* в современном русском языке. Следует также обратить особое внимание на то, что эти данные не согласуются с наблюдениями Л. В. Копецкого над материалами русского языка 60-х годов. Базой для выводов Л. В. Копецкого послужили материалы Института языков и литератур ЧС АН, содержащие 59 099 существительных и, в частности, только слов мужского рода — 25 737, что само по себе обеспечивает значительную достоверность его выводов. Только в первом типе склонения имен с твердой основой (I класса) «возможность использования формы род. ед. на *-у* зарегистрирована в нашем материале приблизительно у 300 существительных вещественного значения (*песок, горюх, снег*), абстрактного (*шум, страх, восторг*), а также значения нерасчлененного множества (*народ, сход, сброд*) ...». Во втором типе склонения существительных I класса зарегистрировано 85 имен существительных (*чесноку, табаку, горошку, лучку, перчику, сахарку, дать маху* и под.). В склонении существительных II класса (имена с мягкой основой) отмечается устойчивость *Pю* у шести существительных (*дегтю, картофелю, миндалю, хмелю, щепню, ячменю*) и его нерегулярное употребление в иных партитивных выражениях (*гною, настою, клею, сельдерею, чаю*), а также у 15 более редких имен существительных (*елею, перегною, токою, шалфею* и др.)⁴⁶. Приведенные статистические сведения, правда, включают в себя формы адвербиальных выражений (*танцуют до упаду, из лесу, из дому, о нем ни слуху, ни духу* и под.). Тем не менее на основе наблюдений Л. В. Копецкого можно сделать бесспорный вывод, что количество имен, продолжающих употребляться в форме *Pу*, остается значительным. Очевидно также, что *Pу* от вещественных имен существительных представляет живую категорию.

В книге «Морфология и синтаксис...» отмечается, что «...в глагольных конструкциях форма на *-у* задерживалась дольше, чем в именных» и что в них «в обследованном жанре флексия *-у* вытеснялась не столько вариантом род. п. *-а*, сколько формами вин. п., т. е. по существу нулевой флексией»; это ставится в связь с «фактами роста аналитизма в падежной системе русского языка»⁴⁷. Замена одной формы другой в падежной системе языка ни в коей мере не может свидетельствовать о неустойчивости самой системы (не говоря уже о том, что нулевая флексия ВП не может трактоваться как отсутствие падежа). Если же учитывать оппозицию ВП : РП, то замещение в некоторых лексических условиях одного члена оппозиции другим (ср. *налить кипятку — налить кипяток*) должно рассматриваться как явление нейтрализации, которое, как известно, лишь подчеркивает сложность и взаимообусловленность системной связи членов оппозиции, но не противоречит ей.

Итак, факты некоторого сокращения *Pу* в русском языке, приведенные в книге «Морфология и синтаксис...», допускаются, с одной стороны, характером частных систем на синтаксическом уровне языковой структуры. С другой стороны, они непосредственно не касаются сферы функцио-

⁴⁵ Там же, стр. 178.

⁴⁶ Л. В. Копецки й, Типы склонения русских существительных мужского рода, ВЯ, 1970, стр. 22, 25, 32, 34.

⁴⁷ «Морфология и синтаксис...», стр. 182, 183.

нирования P_y : P_a как членов привативной оппозиции. Теперь важно выяснить те фактические данные из материалов того же исследования, которые свидетельствовали бы о наличии оппозиции P_a : P_y по партициптивному признаку в современном русском языке. Наиболее ценны в этом отношении факты устной речи. Оказалось, что при статистической проверке в непринужденной устной речи в сочетании *цвет ча...* «вероятность употребления флексии *-y* ничтожно мала» — из 4015 человек ее выбрали только 44 человека, т. е. лишь 1%; у слов, высокочастотных в бытовой речи, типа *кваса (y)*, *сыра (y)*, *сахара (y)*, *табака (y)* замечено значительное преобладание формы P_y над формой P_a у старших возрастных групп населения, а у молодежи при бессознательном устном употреблении форма P_y частотнее, чем при осознанном употреблении⁴⁸. Учитывая совокупность этих фактов, можно судить не только о колебаниях в употреблении P_a и P_y в сочетаниях типа *стакан сахару (и стакан сахара)*, *ложка песку (и ложка песка)* и под., но и о предпочтении в современном русском языке P_y , а также об устойчивости P_a как члена оппозиции — *цвет чая*. Все это не только не противоречит характеру установленной оппозиции P_y : P_a , но находится в полном соответствии с условиями функционирования членов привативной оппозиции: маркированный член (P_y) всегда выражает партициптивный признак, немаркированный член (P_a) может его выражать или не выражать. Благодаря этому становятся понятными многие явления русского языка, которые кажутся неоправданными при лексико-морфологическом подходе к материалу. При учете системных связей поддается объяснению тот факт, что для некоторых имен существительных вещественного значения (например, *хлеб*, *овес*)⁴⁹ окончание *-y* в РП ед. числа вообще не свойственно. Или что в некоторых синтаксических условиях, например при наличии определения при имени существительном (*стакан крепкого чая*), решительно предпочитается P_a ⁵⁰. Этими лексически или синтаксически обусловленными позициями определяются контекстные условия нейтрализации оппозиции. С этой точки зрения кажется совершенно правомерным заключение, что «выражения типа *килограмм сахара*, *стакан чая* нельзя считать ошибочными»⁵¹ (обычно эти факты трактуются как примеры «смешения» или «немотивированного употребления» P_y и P_a).

5. В связи со всем сказанным становится ясным, что вопрос о существовании двух отдельных падежей (РІ и РІІ) в русском языке не мог быть решен путем установления лексико-семантических классов или отдельных групп имен существительных, которым свойственна форма P_y . Таким путем можно было определить лишь лексическую соотношенность и в этом смысле — широту распространения изучаемого явления. Но это не объясняло характера дифференциации обеих форм РП (P_y и P_a) и их сосуществования в течение длительного исторического периода. Дело в том, что граница употребления P_y и P_a не совпадала с делением на лексико-семантические группы имен существительных. Напротив, она проходила в рамках одного определенного лексико-семантического класса имен существительных и определялась синтаксико-семантическим смысловоразличительным признаком.

Факты возможного уменьшения частотности P_y и соответствующего

⁴⁸ «Морфология и синтаксис...», стр. 191, 192, 198.

⁴⁹ Для закрепления флексии P_a в слове *овес* могли сыграть роль и словообразовательные особенности (см. М. В. Ломоносов, указ. соч., стр. 458).

⁵⁰ Этот факт отмечен, например, И. Пете (указ. соч., стр. 192); см. также «Морфология и синтаксис...», стр. 192—193.

⁵¹ В. А. Добрымслов, Д. Э. Розенталь, Трудные вопросы грамматики и правописания, М., 1955, стр. 30.

увеличения употребительности *Pa* в современном русском языке менее всего свидетельствуют о недостаточности четком разграничении *Pu* и *Pa* или об устранении из языка РП партитивного. Напротив, они могут быть признаком увеличения степени дифференциации членов оппозиции и стабильности самой оппозиции. Сравним, например: «В начале XX в. форма на *-у* не только преобладала во всех конструкциях с партитивным значением род. п., но она нередко употреблялась и в других, непартитивных значениях род. п....: для супу..., для вкусу, для цвету; вместо томату, вместо сахару; до пару..., из ливеру, из теорогу»⁵². Происшедшая в этих случаях замена *Pu* > *Pa* закономерна, если учесть установленную семантическую специфику *Pu* в современном русском языке. Объяснение же самому факту употребления *Pu* в подобных случаях следует искать в истории русского языка. В древнерусском языке для ряда имен существительных муж. рода *Pu* являлся единственно возможным, независимо от синтаксико-семантических признаков, проявляющихся в различных контекстах. Особенно показательны в этом отношении факты, установленные Г. Хр. Сёренсеном. По его свидетельству, начавшийся ранее процесс морфологического обособления *Pu* для некоторых имен существительных в XVII в. дал наиболее значительные результаты. Ядром этого процесса была группа вещественных имен существительных или названий товаров: *анись, бархатъ, воскъ, горохъ, изюмъ, имбирь, кардомонъ, квасъ, кминъ, ладанъ, медъ, мушкатъ, отласъ, перецъ, сахаръ, солодъ, уксусъ, цветъ, черносливъ и шафранъ*, в которых закрепился *Pu*⁵³. В древнерусском языке эта тенденция была выражена очень сильно и не ограничивалась группой вещественных имен. *Pu* был закреплен и за некоторыми именами абстрактного значения⁵⁴. После того как в русском языке *Pu* и *Pa* начали выполнять смысловозначительную функцию, возникла естественная необходимость замещения *Pu* формой *Pa* в тех контекстах, где партитивный признак не выражался. Вполне объяснимо при этом, что *Pu* продолжает употребляться в адвербиальных сочетаниях (типа *с глазу на глаз, спать без просыпу*), которые не подчиняются нормам живого языка.

Следовательно, в истории употребления *Pu* в русском языке можно различать два совершенно различных процесса: 1) закрепление *Pu* за лексико-семантическими классами имен существительных (процесс, имевший место в древнерусском языке в стилистически и, возможно, в диалектно⁵⁵ ограниченных условиях); 2) процесс морфологизации *Pu* как отдельного, самостоятельного падежа в литературной норме современного русского языка, в основе которого лежало оформление оппозиции между двумя формами — *Pu* и *Pa* — по партитивному признаку⁵⁶.

⁵² «Морфология и синтаксис...», стр. 182.

⁵³ Процесс унификации *Pu* для определенной группы имен существительных, очевидно, был свойствен только деловой письменности древнерусского языка. Результаты Сёренсена получены на основе обследования таможенных книг Устюга Великого, Сольвычегодска, Тотьмы.

⁵⁴ См., например: Е. П. Г а р б у з о в а, указ. соч., стр. 185.

⁵⁵ Ср. мнение о более широком распространении *Pu* в южновеликорусских говорах, чем на севере (П. С. К у з н е ц о в, Очерки исторической морфологии русского языка, М., 1959, стр. 22).

⁵⁶ Здесь нет возможности останавливаться на формально-логических основаниях выделения Р II. Процедура построения логической конструкции для определения Р II использована, например, в работах: А. А. З а л и з н я к, Русское именное словоизменение, М., 1967, стр. 44—46; А. В. Г л а д к и й, К определению понятия падежа и рода' существительного, ВЯ, 1969, 2, стр. 117. Небезынтересно отметить, что А. А. Зализняк находит основания для признания самостоятельного Р II в современном русском языке, а А. В. Гладкий не видит такой возможности.